

**«Нет пошады под кровавым флагом»:
к вопросу о пиратской символике XVII в.**

История морского разбоя – явления вряд ли более молодого, чем мореплавание как таковое, – настолько обширна, а различные её эпизоды настолько тесно связаны с индивидуальностью «главных действующих лиц» – капитанов пиратских команд, – что создание обобщающей, «интегральной» системы символов, эмблем, сигналов пиратства представляет собою задачу вряд ли выполнимую. Единственным выходом должны быть попытки детального рассмотрения конкретных явлений на основании максимально приближенных к ним по времени источников.

Одним из самых известных пиратских капитанов по праву является Генри Эвери, в 1694–1695 гг. завоевавший репутацию «самого удачливого пирата», «архи-пирата». Неудивительно, что без упоминания о нём не обходится большинство книг по истории морского разбоя, а во многих из них приводится и изображение «флага капитана Эвери» с черепом и скрещенными костями, причем череп повернут «в профиль» и украшен серьгой на месте уха и головную повязкой – деталями вообще-то сомнительными, которые современные исследователи зачастую относят к вымышленным элементам пиратской «моды». Появление этой фантазии в литературе, по-видимому, сравнительно позднее (вторая половина XX в.), причины же возникновения, вероятно, те же, что и у другого «флага Эвери», имеющего значительно более почтенный возраст, но не большую достоверность.

В книге «История и биографии всех наиболее замечательных пиратов и их команд» (Лондон, 1732) на иллюстрации к очерку об Эвери изображён, в частности, флаг оригинального вида: в одноцветном (чёрном) поле две сложенные косым крестом кости (без привычного черепа). Однако при сопоставлении этого рисунка с другими иллюстрациями той же книги становится ясно, что художник, не имевший, очевидно, серьёзных документальных данных о внешности своих персонажей и сопутствующих им деталях, озабочен был прежде всего тем, чтобы персонажи весьма условного вида хоть чем-нибудь да отличались бы один от другого. Подобная же проблема – обеспечить ограниченными художественными средствами разнообразие индивидуальных деталей – должна была возникать и при изображении флагов, заставляя изощряться в варьировании одного и того же набора «ингредиентов», дойдя и до «костей без черепа» (или «черепа с серьгой»).

В буквальном смысле слова современным авантюре Эвери является другой источник – расхваливавшая в листовках баллада, написанная от его имени (Лондон, 1694). Расхваливая пиратскую жизнь, автор баллады упоминал, в частности, собственный флаг капитана – «четыре золотых стропила в красном поле с зелёной каймой». Однако наиболее аутентичные источники всё же не оставляют места для столь оригинальной и индивидуальной символики. В единственном документе, бесспорно принадлежащем авторству самого Эвери, декларируется его намерение не причинять вреда англичанам и предлагается установить систему взаимного оповещения, «не нас ли вы видите вдалеке»: на бизань-мачте с убранными парусами поднимать свой флаг («in a Ball or Bundle»). Последнее условие представляется весьма тёмным, и наша версия – флаг должен подниматься не развернутым полотни-

щем, а смотанным в «комок», который бы разворачивался уже на высоте, – также является лишь предположительной; в любом случае, однако, очевидно, что если бы Эвери плавал под индивидуальным «флагом со стропилами», столь сложный способ был бы излишним.

Другие же свидетельства красочным версиям о флаге капитана Эвери уже определённо противопоставляют прозаическую, но более чем вероятную. По показаниям одного из членов команды пиратский корабль в случае необходимости просто поднимал английский флаг; использование Эвери английского флага во время его разбоев в Индийском океане подтверждается и современными событиями письмом, отправленным из Персии в Европу. При этом описанная выше система сигнализации получала смысл, поскольку Эвери таким приёмом идентифицировал себя и мог в свою очередь убедиться, что перед ним не просто соотечественник, но соотечественник, настроенный дружелюбно. Сам же принцип плавания пиратов под флагом одной из крупных морских держав хорошо известен и в их глазах не являлся чем-то предосудительным.

Учитывая, что корабль Эвери изначально не принадлежал к составу королевского военного флота, на нём, вероятно, имелся флаг, установленный для коммерческих английских судов при короле Карле II: большое красное полотнище с «флагом Святого Георгия» (красный прямой крест в белом поле) в верхнем углу у древка. Интересно отметить, что практически так же выглядел флаг, носившийся кораблями Ост-Индской компании, только там основное полотнище с 1680 г. состояло из чередующихся красных и белых горизонтальных полос. Поэтому вовсе не обязательно видеть в гонениях, которым подверглись представители компании в Индии после громких пиратских операций, направленных против индийского мореплавания, непременно всплеск ненависти к «неверным» или эпизод «антиколониальной борьбы»: выжившие жертвы грабежа вполне могли перепутать флаги и искренне решить, что атаковал их какой-нибудь капитан компании, решивший поохотиться.

Уместно задать и вопрос, какой именно красный флаг упоминается в «балладе капитана Эвери» как символ беспощадности («под кровавым флагом мы не щадим никого и не просим пощады сами»)? Хорошо известно, что красный флаг неоднократно фигурирует в источниках наряду с чёрным, и в таком качестве оба причисляются к пиратским атрибутам, в чём, однако, следует усомниться, обратив внимание хотя бы на вторую часть «Робинзона Крузо» (его новые странствия относятся к 1695–1705 годам), где, в частности, повествуется, как Робинзон приобретает корабль, за которым, оказывается, тянется дурная слава, и, будучи принят за пирата, подвергается в Сиамском заливе преследованию. «Тогда мы дали холостой выстрел, – рассказывает путешественник, – ...и подняли “мирный флаг” (a flag of truce) как приглашение к переговорам; но поскольку они гнались за нами на всех парусах и подходили на расстояние выстрела, мы спустили белый флаг, не получив на него ответа, и, подняв красный флаг, выпалили по ним». Важно подчеркнуть, что Робинзон не был пиратом, корабль его не был пиратским, и присутствие на корабле пиратских флагов (обнаружение которых при любом досмотре грозило бы капитану и всему командному составу петлёй) представляется крайне маловероятным.

Любопытному и неплохо информированному Д. Дефо, не имеющему здесь оснований для каких-либо мистификаций, кажется, можно верить, и

вряд ли следует вообще атрибутировать красный флаг как пиратский. Скорее речь должна идти не о quasi-национальном флаге, идентифицирующем своего владельца, а о флаге сигнальном, своего рода международном морском коде: белый – приглашение к переговорам, чёрный – приказ остановиться и не оказывать сопротивления, красный – «не тронь меня», а при уже начавшемся конфликте – обещание беспощадной резни. Ничего удивительного, что последний фигурирует в «балладе капитана Эвери», и нет ничего неправдоподобного в предположении, что настоящий Эвери также использовал его в своих пиратских предприятиях.

Таким образом, в части, касающейся «кровавого флага», баллада выглядит вполне достоверной; более того, она содержит и ряд других указаний на сравнительно хорошую осведомлённость её автора, кто бы он ни был, а потому и вопрос о флаге с «золотыми стропилами» не может оставаться без более подробного обсуждения. Современный английский историк, обратив внимание на присутствие стропил в гербе баронетов Эвери (четыре червлёных стропила в золотом поле), даже делает далеко идущее предположение о родстве пиратского капитана с этой дворянской семьёй, хотя сам признаёт, что никаких указаний на такое родство не существует. К тому же есть и более серьёзные возражения, чем простое отсутствие генеалогических документов или географическая удаленность дербиширских баронетов от моряцкой семьи из-под Плимута (предполагаемое место рождения будущего пирата).

Прежде всего, вступивший на стезю морского разбоя (а не более или менее законного «приватирства») Генри Эвери вряд ли имел какие-либо побуждения компрометировать своих родственников, используя фамильные эмблемы: для уважаемой дворянской семьи, конечно, не был желанным членом «архи-пират», фактически объявленный вне закона и позже исключаемый из актов об амнистии. Кроме того, цветовые различия в гербе баронетов и флаге из баллады с геральдической точки зрения представляются настолько существенными, что по сути дела изменяют весь герб (а само по себе стропило относится к числу основных геральдических фигур и не может служить идентифицирующим объектом).

Не мешает обратить внимание и на одну особенность пиратской символики XVII в., позволяющую заподозрить аналогию с флагом из баллады. Так, в хорошо известном походе на Панаму экипажем семи пиратских кораблей (1680) каждый из них имел собственный флаг: «красный с белыми и зелёными лентами», «красный с жёлтыми полосами», два «зелёных с разными изображениями», два просто «красных» и «красный с жёлтой полосой и с изображением руки и меча». На наш взгляд, все эти флаги объединяет подчёркнутая «геральдичность», при отсутствии связи с национально-государственной символикой или с символикой, традиционно (благодаря литературе и кинематографу) считающейся сегодня «пиратской»: они напоминают скорее разнообразие личных гербов и связанных с ними объектов (флагов, вымпелов, церемониальных костюмов). Мы далеки от того, чтобы заподозрить пиратских капитанов в использовании присвоенных им «родовых» цветов; скорее речь должна идти о некоей «моде», которая в XVII в. диктовала псевдо-геральдическую пестроту цветов и эмблем (своего рода «варварские подражания»), а в первой половине XVIII-го закрепила в обиходе столь прославившуюся мрачную символику (череп, песочные часы, скелеты с копьями, кровоточащие сердца и проч.). В таком случае именно «геральдической» модой уходящего века и мог руководствоваться автор

«баллады капитана Эвери», сочиняя индивидуальный флаг для своего героя, вероятнее всего не знавшего в действительности иного, кроме флага «старой весёлой Англии», в эти десятилетия широко разворачивавшей пиратскую, приватирскую, торговую экспансию на просторах «Семи Морей».

А.В. Кузьмин (Москва)

**«... И переветнику и зажигальнику тем живота не дати»:
к вопросу о начале правоприменения статьи
о смертной казни в Северо-Западной Руси**

В российской историографии традиционной точкой зрения считается мнение, что на Руси до появления 5-й статьи в Двинской уставной грамоте 1397 г. о казни татя через повешение при его третьем аресте (АСЭИ. М., 1964. Т. 3. № 7. С. 21) в действующих памятниках права не было статьи о смертной казни за уголовное преступление (Алексеев Ю.Г. Псковская судная грамота: Текст. Комментарий. Исследование. Псков, 1997. С. 60).

Впервые в широком виде смертная казнь представлена в Псковской судной грамоте 1467 г. Она предполагалась для «кримского» и «коневого» татей, переветника и зажигальника (Там же. С. 10, 37). Единственным исключением из них был случай казни татя «за троекратную татьбу». Исследователи этот казус рассматривается как «как общая черта русского права XIV в.» (напр., см.: Там же. С. 60).

В пользу более раннего применения статьи о казни (т.е. до 1397 г.), свидетельствует такой правовой памятник как «Правосудье митрополичье». В его 13-й статье отмечается, что «без поличного» нельзя было татя «ни вязати, ни казнити, ни повесити» (АСЭИ. Т. 3. № 8. С. 23). Согласно исследованию И.В. Ипатов, вероятнее всего этот юридический памятник был написан в 1380-е гг. (Ипатов И.В. «Правосудие митрополичье» // ВИД. 1991. Т. 22. С. 194–204; 1993. Т. 24. С. 240–254). Заметим, что в пользу данной датировки свидетельствует высокий статус окольничего по отношению к боярам (АСЭИ. Т. 3. № 8. С. 22). Для Северо-Восточной Руси такая служебная иерархия среди представителей военной знати, как показывает карьера окольничего Тимофея Васильевича Вельяминова, была характерна именно для времени правления великого князя Дмитрия Ивановича Донского (Кузьмин А.В. Роль московского боярства в борьбе против Мамаевой Орды [Ч. 1] // Куликовская битва в истории России. Тула, 2012. Вып. 2. С. 60).

Таким образом, применение на практике во второй половине XIV в. в Северной Руси смертной казни за троекратную татьбу – несомненно. Однако остается открытым вопрос, не могла ли она быть распространена по двум другим казусам, о которых упоминает Псковская судная грамота 1467 г.?

В пользу возможности такого предположения свидетельствует термин «переветник», образованный от слова перевет, т.е. измена. Интересно отметить, что им довольно часто пользовался при описании событий 40–50-х гг. XIII в. новгородский летописец пономарь Тимофей. Наиболее полно его текст отразился в пергаменном Синодальном списке Новгородской I летописи старшего извода (ок. 1330 г.). Так, в 1240 г. псковичи остались без воинов после разгрома своей рати под Изборском и гибели там воеводы Гавриила Гориславича. По мнению новгородского летописца, пойдя на переговоры с властями Ливонского Ордена, часть псковских бояр «бяху бо переветь держаче с Немци... и подъвели их Твердило Иванковичь съ инеми, и самъ поча